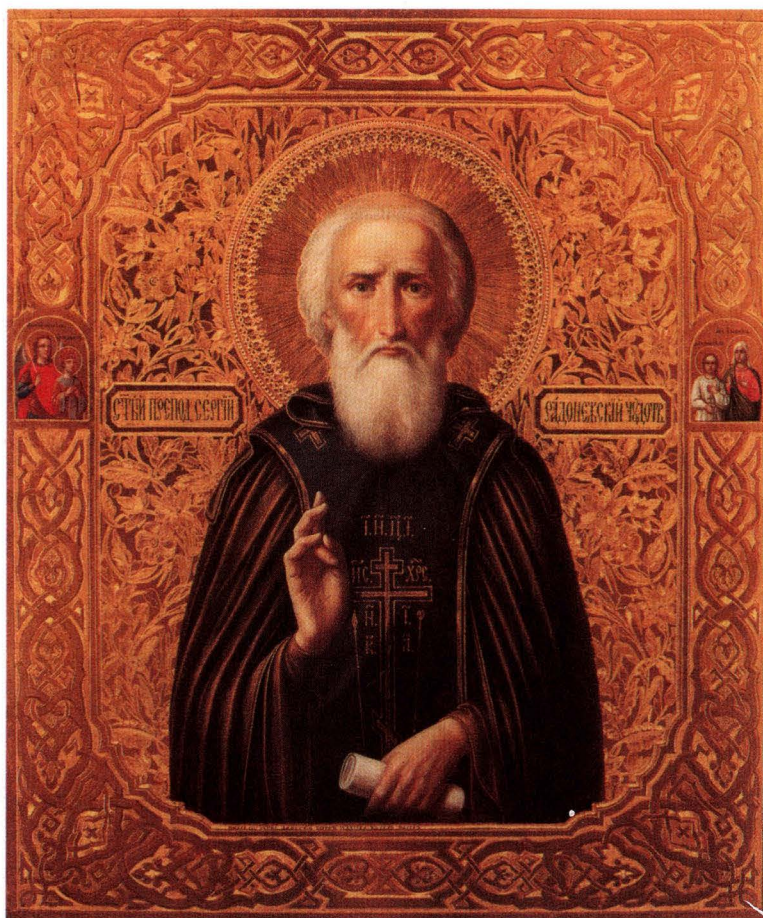

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Людмила Китаева

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

БЕЛЫЙ ГОРОД
Москва, 2007

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ОРДЫ

— Едут! Сударыня-матушка, ей-богу, едут! — дворовая девка Павлинка кубарем скатилась вниз с высокой лестницы, вбежала в сени и чуть не сбила с ног медлительную Улиту.

— Едут, нянька, я сама видела. Уже к нашей усадьбе поворачивают. Надо боярыню предупредить.

— Угомонись, — тихо приказала Улита, — знаешь ведь, что боярыня нездорова. Я сама ее подготовлю.

Но она не успела дойти до светелки, как дверь распахнулась и на пороге показалась Мария.

— Кто? — спросила она, одной рукой ухватившись за косяк двери, как бы ожидая самого плохого.

— Боярин Кирилл возвращается, если Павлинка не врет. Обопрись о руку, матушка, пойдем на крыльцо. Слаба ты еще. И бледная какая! Не напугала бы мужа-то.

Посольство ростовского князя, в составе которого был боярин Кирилл, уже второй месяц находилось в Золотой Орде. Должны были вернуться дней десять назад, но задерживались, и каждый день этой необъяснимой задержки поселял в душе Марии страх, с которым справиться она не могла. Никому не дано предугадать, что взбредет в голову хитрому хану Узбеку — может милостями осыпать, а может и казнить. Боярин Кирилл не питал иллюзий на сей счет. Отправляясь в очередную поездку в Золотую Орду, он оставлял на случай своей смерти все необходимые распоряжения.

Мария провожала мужа без слез. Покорно ожидала той участи, которая выпадет на их долю. Только молила Господа, чтобы вернулся Кирилл живым.

Но последние дни она как-то стала сдавать. Тосковала и беззвучно плакала по ночам, чтобы никто не мог услышать.

С трудом поднялась на крик Павлинки и поняла, что ноги ее не держат.

— Пстой, няня, голова что-то закружилась, сейчас пройдет. Да верно ли, что боярин едет? Не напутала Павлинка-то?

Но уже слышно было, как захлопали тут и там двери, забежали по двору слуги, залаяли собаки, заскрипели ворота. Мария выбежала на крыльцо и увидела мужа.

Кирилл остановил коня у самого крыльца, и Мария, забыв про приличия, подбежала к нему, ухватила руками за седло, щекой прижалась к смуглой руке мужа. Он улыбнулся в рано поседевшую бороду и легко соскочил с лошади, бросив конюху уздечку. Мария не выпускала его руки, и все заглядывала в лицо. Заметила и усталые глаза, и новые морщины, перерезавшие лоб. Ей хотелось обнять его прямо тут, в присутствии слуг и дружинников, сопровождавших боярина, но она сдержалась.

Преподобный Сергей жил во времена монголо-татарского ига. Еще в начале XIII века кочевые народы Центральной Азии, говорившие на тюркских языках, подчинили себе русский народ, чтобы собирать с него дань. Ордынские сборщики дани — баскаки — имели специальные знаки, подтверждавшие их полномочия. Эти знаки делали в виде деревянных, медных, серебряных и золотых дощечек. На них помещали надпись: «Силою вечного неба имя хана да будет свято. Кто не поверит — должен быть убит». Из русских земель в Золотую Орду уходили огромные средства. В полном подчинении у ордынских ханов были и князья. Они вынуждены были ездить на поклон к ханам для получения ярлыка, который давал право на власть. Удельные князья боролись за великокняжеский престол, истребляя друг друга, а ордынские ханы разжигали рознь и умело пользовались ею в своих интересах.

В междоусобных войнах князей активно участвовали бояре. Боярами сначала назывались старшие дружинники князя, главные советники и воеводы. Они собирали дань с подчиненных князю земель. Позднее бояре стали получать земли с холопами (зависимыми людьми). В боярских усадьбах, кроме их семей, жили слуги и ремесленники. Бояре управляли селами. Внутри усадеб располагались жилища и многочисленные хозяйственные постройки. Боярские хоромы и терема с башенками, хоть и строились из дерева, но были двух- и даже трехэтажными. Они могли объединять под одной крышей несколько помещений.

— Все ли здоровы? — спросил Кирилл и тут же увидел вышедших навстречу ему сыновей. Улита подталкивала их и что-то шептала на ухо старшему Стефану.

Они низко поклонились и замерли, не зная, что делать, оставаться ли на месте или бежать навстречу отцу.

Кирилл с удивлением отметил, как выросли дети в его отсутствие. Стефан стал совсем взрослым — вытянулся, раздался в плечах, в четырнадцать лет он уже настоящий помощник, молодой боярин. Варфоломей, семилетний отрок, зачарованно смотрит на отца, стесняясь своего восхищения. А младшенький, Петр, только и ждет, когда можно броситься к нему, забраться на руки, обхватить шею, приподняться над всеми и гордо поглядывать вокруг с высоты отцова плеча.

— Вот я и дома! — сказал Кирилл. Он скинул дорожный плащ, поманил к себе Петра и посадил его на плечо. Обнял за плечи Марию, притянул к себе упирающегося Стефана. Варфоломей, не выпуская руки старшего брата, все заглядывал отцу в лицо.

В усадьбе сразу стало шумно, весело. Дружинники, вернувшиеся вместе с бо-

ярином, расседывали и вываживали лошадей, переговаривались с окружившей их дворней, хвалились обновками, купленными в Орде у итальянских купцов. Уже топилась баня, и служки расставляли столы прямо во дворе, под старыми липами. А в поварне варилась сладкая уха из ершей, прела пшенная каша, из погребов и ледников доставали солонину, моченые яблоки, крепкий «княжеский» мед и холодный квас...

А потом шумно усаживались за столы, как одна большая семья. Ближе к вечеру, после обильной еды, они еще не расходились, вспоминали поездку, рас-

сказывали про увиденные чудеса. Их лица лоснились от пота, в наступающей темноте белели рубахи, тут и там слышался негромкий смех, неожиданно возникавший и также внезапно затихавший.

Кирилл не принимал участия в разговорах, молча улыбался шуткам и завиральным рассказам. Он терпеливо ожидал окончания застолья. Наконец он встал из-за стола, поблагодарил всех и удалился.

Мария внесла в горницу зажженную свечу. Кирилл сидел за широким столом, и, казалось, не заметил ее прихода. Перед ним стояла наполненная до краев серебряная чарка, которую он даже не пригубил. Мария хотела уйти, но Кирилл ее остановил:

— Посиди со мной.

Она присела рядом, помолчала, наконец не выдержала и спросила:

— Ну что? Сговорились ли?

— Да разве с ними сговоришься! — Кирилл махнул рукой и отвернулся. — Эти татары подчистую нас обобрали! И серебро, и меха — все пошло на подносы ханским прислужникам. А сам-то хан Узбек не пожелал с нами разговаривать. На охоту, видишь ли, собирался. Передал через мурзу, что не будет нам поблажки. Если не соберем дань, да долги прошлые не заплатим, он наше княжество разорит... У него в любимцах московский князь Иван Данилович ходит. Не отстаёт от хана ни на шаг. Хитрый он. Добивается великокняжеского престола. И добьётся! По всему видать. Вызвался сам выбить из Ростова Великого дань. А у нас то неурожай, то мор. С каких доходов дань-то собирать? Туго нам придется, жена, ох как туго!

— Не печалься раньше времени, — тихо произнесла Мария. — Сколько вытерпели мы притеснений, вспомни-ка! И сейчас вытерпим. Как люди, так и мы.

Псалтирь и стилос

На Руси детей учили читать по Часослову, Псалтири и другим церковным книгам. Писать учили на покрытых воском дощечках, которые складывались книжечкой. Писали и на специально выделанной бересте заостренными палочками из кости или металла.

Только вот детей жалко, боярин. Неужели им придется нужду терпеть?

— Помощники растут! — Кирилл улыбнулся. — Хорошие у нас дети, Мария.

— Хорошие — это правда, — Мария задумалась. — Не хотела тебе говорить. За Варфоломея у меня сердце болит. Братья смеются над ним, глупым обзывают. А он улыбается, все о чем-то мечтает. Учитель тоже недоволен, говорит, что он к учебе неспособен. Даже Петр, младшенький, и то читать научился, а Варфоломей никак не может одолеть эту грамоту. И не глупый он совсем, сам ведь знаешь. Ты бы поговорил с ним, Кирилл, он тебя послушает, стараться больше будет.

— Я поговорю, — Кирилл нахмурился. — Как это глупый? Придумали чего! Завтра же и поговорю.

Кирилл расстроился не на шутку. Тихий Варфоломей всегда казался ему слишком слабым. Его хотелось защитить от жестокости жизни. А как защитить, если знатность и богатство в прошлом. Нынче боярскому сыну знания нужны больше, чем богатство. Тогда он найдет себе службу у хорошего князя. Тогда его будут ценить. И уважать... Ах, Варфоломей, Варфоломей. Что же с ним делать-то?

Узкая, еле заметная тропинка спускалась в овраг. Здесь было прохладно, пахло влажной землей и травой. По дну оврага протекал ручей, который не пересыхал даже в самую сильную жару. И вода в нем всегда была холодная и вкусная. Варфоломей зачерпнул горсть ключевой воды и плеснул в разгоряченное лицо, вспомнил разговор с отцом и свои невольные слезы.

Он прошел немного вверх по оврагу и выбрался на пригорок. Отсюда был виден дом, окруженный густым частоколом, поле, огород. На прогретом солнцем пригорке трещали стрекозы, жужжали пчелы, а в перелеске было тихо. Варфоломей остановился возле большого муравейника. Ему хотелось посмотреть, как крошечные муравьи строят свой дом, но надо было торопиться. Вздохнул и пошел дальше, не глядя по сторонам. Отец отправил его на поиски кобылы с жеребенком. Они отстали от табуна, и конюх опасался, как бы не забрели в чужие овсы. Варфоломей зашагал через редкий осинник к небольшой полянке. Высоко в небе прокричала какая-то птица. Мальчик поднял голову и зажмурился от солнечного света. На миг ему показалось, что теплая волна поднимает его над этим лесом и полем, и оврагом. Это было как во сне — и страшно, и радостно. В этот миг он и услышал слова молитвы: «Царю небесный, Утешителю, Душе истины...»

Под раскидистым дубом стоял старец в монашеском облачении и читал молитву. Варфоломей хотел было пройти мимо, но что-то остановило его. Неожиданно для себя он стал тихо повторять знакомые слова. Монах закончил читать молитву и обернулся к Варфоломею. Преодолев робость, мальчик подошел к старцу и низко поклонился.

М. Несторов. Видение отроку Варфоломею

— Ты плакал сегодня? Ты плакал. О чем печалился, отрок?

— Я отдан, отче, в обучение. Но плохо понимаю, что говорит мне учитель. Я стараюсь, все буквы знаю, но читать не могу. Родители огорчаются, потому что даже младший брат обогнал меня в учении. Очень переживаю я, не знаю, что делать. Прошу тебя, помолись обо мне Господу!

Старец исполнил просьбу Варфоломея. Окончив молитву, он достал ковчег, взял из него частицу просфоры, благословил ею мальчика и велел съесть.

— Это дается тебе в знак благодати Божией и понимания Святого Писания. И не печалься больше о том, что ты слаб

в учебе. С этого дня дарует тебе Господь такое знание, что лучше сверстников будешь читать и понимать прочитанное.

Старец положил руку на голову мальчика, посмотрел ему в глаза и перекрестил его. Когда монах собрался идти дальше, то Варфоломей упал ему в ноги и стал горячо умолять зайти в родительский дом:

— Прошу тебя, не лишай и родителей моих твоего святого благословения!

Подойдя к дому, Варфоломей увидел, что лошади уже во дворе. Он посмотрел на старца, но тот только улыбнулся.

Кирилл и Мария вышли им навстречу, поклонились страннику, пригласили к столу. Он благословил их и попрощался.

сил разрешения прежде зайти в часовню. Позвал Варфоломея и велел ему читать псалмы.

— Но я не умею, отче!

— Читай! — повторил старец.

И Варфоломей к своему немалому удивлению и радости родителей начал читать.

За обедом Мария рассказала страннику о сыновьях. Она, конечно же, любила их всех, но каждого по-своему. Гордилась Стефаном, ведь он не только Священное Писание знает, но и риторике обучен и греческим языком владеет. Младший, Петруша, все на лету схватывает, дружелюбный и веселый, не доставляет никому беспокойства. А Варфоломей простодушен и открыт сердцем, каждому готов прийти на по-

мощь. И было чудесное знамение незадолго до его рождения: во время воскресной службы младенец трижды прокричал в утробе матери, да так громко, что все молящиеся слышали. Еще одним чудом стало то, что ребенок отказывался от еды в постные дни — среду и пятницу.

— Что бы это значило? — спросила Мария. — Мне не под силу разгадать эти загадки.

— Не пугайтесь, но знайте, что велик будет ваш сын перед Богом и людьми, он станет служителем Святой Троицы, и многих приведет за собой к пониманию Божественных заповедей..

Потрясенные родители молча проводили старца до ворот. Он медленно шел по дороге, опираясь на свой посох, а потом вдруг исчез, словно растворился в сизой дымке надвигающегося вечера. А когда вернулись домой, то увидели, что Варфоломей сидит за чисто выскобленным столом, переворачивает пергаментные страницы Священного Писания и медленно, но без запинки читает: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»

«ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ...»

С этого дня Варфоломей стал успевать в учебе. Как будто у него открылись глаза, и он все недоумевал: почему раньше ничего не видел и не понимал? Он с удовольствием читал вслух, ему вдруг понравилось писать на покрытых воском дощечках — воцаницах, не только буквы, но и слова, и целые предложения. Как-то незаметно для окружающих он не только догнал, но и перегнал своих сверстников. Легко изучил Псалтирь, полюбил чтение Священного Писания, начал осваивать греческий язык.

Неожиданный его успех не был воспринят окружающими как чудо, реши-

ли, что ленивый, не очень сообразительный мальчик начал стараться. Учитель говорил, радостно потирая руки: «Вот и отрок Варфоломей взялся за ум! Перестал смотреть по сторонам и мечтать о чем-то на уроках!». А родители решили никому не говорить о явлении старца. И в отношении к сыну у них ничего не переменилось. Ведь это было связано с внутренним миром мальчика, с тем миром, вход в который чужим взбранялся.

Жизнь в поместье боярина Кирилла шла своим чередом и, казалось, ничто не могло изменить установившийся порядок. Праздности и скуки никогда в доме не было. Дети выполняли посильные работы по дому.

Стефан знал, что ему предстоит идти на службу к князю, и он старался выполнять все поручения отца: присутствовал при разборе жалоб крестьян, приписанных к боярской вотчине, сопровождал его в Думу, ездил с обозами

в Ярославль и Москву продавать зерно, лен. Вырученное от продажи серебра почти все уходило данью в Золотую Орду.

Варфоломей вырос незаметно. Всегда тихий, молчаливый, он был помощником старшему брату. Оба любили лошадей и не раз отправлялись в ночное. С удовольствием он выполнял и ту работу, которая поручалась холопам: чистил стойла, кормил телят. Юноша чуждался многословия, не любил яркой одежды, праздничных шелковых рубах, серебряных поясков, мягких сафьяновых сапог. Одевался просто, а если встречал нищих, то подавал им не только еду, но мог снять с себя и последнюю рубаху. И все это делал с чистым сердцем, с радостью, не гордясь, не смущаясь.

А когда он стал посещать церковь, то не пропускал ни одной службы. Постоянное обращение к Богу породило в нем внутреннее равновесие, которое делало его старше и мудрее своих сверстников. Может, поэтому он не принимал участия в играх, не ходил в поле ловить птиц, не присоединялся к ватаге любителей рыбной ловли. Все прелести вольной деревенской жизни ему заменила тихая молитва.

Мария поддерживала в сыне его религиозность, но когда узнала, что он стал очень усердно поститься, забеспокоилась. Варфоломей всегда был равнодушен к мясной пище, но в дни поста он ел только хлеб и пил воду, а порой вообще никакой пищи в рот не брал. Однажды Мария не выдержала и сказала:

Московский князь Иван Данилович, по прозвищу Калита (кожаный мешок или кошелек с деньгами), в свое славное правление с 1325 по 1340 годы поставился оградить свое княжество от набегов монголо-татар.

Он жил в мире с Ордой, сам собирал дань с русских земель и приумножал богатства своего княжества. Люди, уставшие от набегов, устремились в Москву. Глава Русской православной церкви митрополит Петр переселился из Владимира в Москву, и с этого времени город стал духовным центром Руси.

Великий князь Московский и Владимирский
Иван Данилович Калита

ДОРОГА НА РАДОНЕЖ

— Варфоломей, я опасаюсь, не заболел бы ты от такого строгого поста. Ты еще подросток, тебе надо расти, набираться сил. Посмотри на братьев своих, на сверстников — никто из них так себя не изнуряет: ты иногда раз в день ешь, а иногда и во все через день. Все хорошо, да только в свое время. .

— Не запрещай, мама, — Варфоломей смотрел на нее умоляюще. — Я не хочу тебя огорчать, но поверь, что пост этот мне не в тягость. Если он полезен для моей души, то не вреден и для тела...

Марию смутили слова сына, она не знала, что ему ответить на это. Подумав, сказала:

— Ты рассуждаешь как взрослый, а не как ребенок. Может, ты и прав. Препятствовать не буду, но молиться о твоём здоровье не перестану.

Про московского князя Ивана Даниловича слухи ходили самые разные. Купцы ростовские, торговавшие с Москвой, рассказывали, как Москва захолустная богатеет, удивлялись той жадности, с которой Иван Данилович скупал окрестные земли, расширял свои пределы. Тверичи же поминали московского князя с ненавистью, винили его в смерти тверского князя Александра Михайловича, не могли забыть, как он с ордынцами появился в Твери и жестоко подавил восстание против ненавистного баскака Чол-хана и добился-таки в Орде лестью и хитростью великокняжеского престола! «Выслуживается московский князь перед Ордой, — говорили про него, — своих не жалеет».

А ныне Иван Данилович выдавал свою дочь Марию замуж за ростовского князя Константина Васильевича. Празднова-

ли пышно. За столами было тесно. Гостям не давали отдохнуть, подносили по два-три блюда сразу. То жареных журавлей и куропаток, то нежную белорыбицу, жирную осетрину, и без меры потчевали греческим вином да хмельным медом. Бояре ростовские с поклонами подносили дорогие подарки молодым и отходили в сторону. Тихонько переговаривались меж собой. Даже особо приближенные к князю вельможи чувствовали себя не очень уверенно за праздничным столом. Их как-то незаметно оттеснили московские гости, которые веселились от души и пили без меры, высокомерно обходя вниманием местную знать.

Когда отяжелевшие гости стали разъезжаться с княжеского двора, к ростовскому градоначальнику, боярину Авер-

кию, поддерживаемому с обеих сторон служками, подошли Протасий Тысяцкий и Кирилл со Стефаном. Аверкий оттолкнул слуг, выпрямился, трезво глянул на них и скороговоркой произнес:

— Все слава Богу! Москва-то она вон как разворачивается. А мы от бесхлебицы совсем оскудели. Как думаешь, Кирилл, поможет нам Иван-то Данилыч подняться? — И не дождавшись ответа, сказал уверенно: — Поможет! Куда денется? Родня теперь...

— Поживем-увидим, — сдержанно ответил Кирилл.

Что-то ему подсказывало, что не так просты и добросердечны будут отношения между Ростовом и Москвой. Князь Константин перед Иваном Даниловичем, как козленок перед волком матерым. Не защитник.

И как в воду глядел. Не прошло и трех месяцев, как по зимнему накатанному пути прибыли в Ростов вооруженные ратные люди. Предводитель их, московский воевода Василий Кочева остановился у богато украшенного терема градоначальника. Не слезая с лошади, не отвечая на приветствие Аверкия, он спросил:

— Дань собрали?

— Так обнищали мы, — побледнев, ответил Аверкий. — Просили у князя об отсрочке.

— Обнищали, говоришь? Это мы сейчас проверим! И начнем с тебя, боярин! — Он кивнул ратникам. Те, стащив Аверкия с крыльца, поволокли его по улице.

— Опомнитесь, окаянные! Что вы делаете? Вам это так не пройдет, — Аверкий захрипел, потом всхлипнул по-детски и... замолчал. Его вытащили на площадь и подвесили вниз головой.

— Вот теперь можно и дань собирать, — московский воевода махнул рукой, и стражники, окружая дома, охаживая непонятливых плетками, пошли трясти ростовчан: рылись в сундуках, срывали замки с амбаров, вытряхивали из ларцов серебряные кольца, перстни, серьги. Здоровых мужиков ставили на колени, били, издевались — обобрали всех до нитки: и бояр, и купцов, и ремесленников. А потом поехали по селам и деревням. Уводили скот, грузили на возки мед, воск, сало, меха.

После отъезда московских гостей разоренный город пребывал в ужасе. Аверкия еле живого отвязали, отпоили квасом. Но сколько с ним ни заговаривали, он молчал.

Не миновали московские сборщики и Кириллова двора. Опустошили сундуки, порушили хозяйство и уехали.

Никаких сбережений теперь у него не было. Осталось горькое чувство стыда, какого он давно не испытывал.

Иван Тормасов и Протасий Тысяцкий, побывав у градоначальника, приехали к Кириллу на совет. Рассказали, что Аверкий не поднимается с постели и ничего не говорит, только подушку слезами орошает.

— Да нам самим впору реветь, — сказал Протасий. — Как жизнь-то доживать будем?

— Купцы многие перебираются в Нижний. Да и села пустеют. Твой-то как, Кирилл?

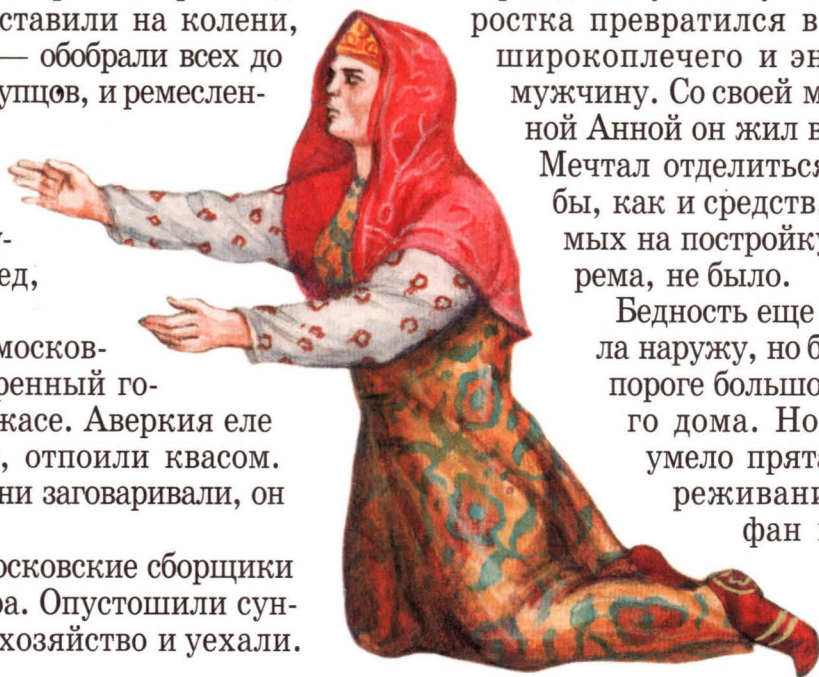
— А кто еще не убег, тот собирается. На север подаются землепашцы. Там землю, говорят, дают. Конечно, нищенствовать никому не хочется.

Дверь от удара плечом отворилась, и в горницу влетел раскрасневшийся Стефан. Почтенные мужи с плохо скрываемым испугом уставились на него. Кирилл знаком подозвал и усадил его рядом с собой.

Чувствуя приближающуюся старость, отец готовил старшего сына к управлению хозяйством и к боярской службе.

Стефан давно уже из угловатого подростка превратился в высокого, широкоплечего и энергичного мужчину. Со своей молодой женой Анной он жил в доме отца. Мечтал отделиться, но службы, как и средств, необходимых на постройку нового терема, не было.

Бедность еще не выпирала наружу, но была уже на пороге большого боярского дома. Но если отец умело прятал свои переживания, то Стефан переживал

открыто и ответственность за происходящее пытался брать на себя.

— Батюшка, я тут поговорил кое с кем, и вот что надумал.... Только не отвергай сразу. Давай поговорим со знающими людьми... За Переяславль приглашают переселяться, в московскую землю. Поместье обещают. И льготы от дани на несколько лет. Там мы поднимемся. Да не одни будем — многие собираются. А службы я не боюсь, послужу юному князю, сыну Ивана Даниловича.

Кирилл долго, напряженно молчал. Сжимая кулаки, сосредоточенно смотрел перед собой.

— Может, ты и прав, — наконец сказал он. — А вы как? Слышали что об этом? — он повернулся к Протасию и Ивану.

— Слышать-то слышали, да не особо поверили, — сказал Иван, — уж больно складно все получается.

— Обсудить надо, узнать, что за земля такая, — Протасий поднялся, тере-

бя бороду, заходил из угла в угол. Наконец остановился перед Стефаном и сказал:

— Может, ты и прав, боярин! В московском княжестве сейчас тихо, а здесь нам все равно житья не будет. Нет, не будет!

Ездили смотреть земли. Долго совещались. Наконец, решились-таки на переезд. Стефан всех заряжал своей энергией, торопил, не замечая, что родителям тяжело оставлять родные места. Их страшила неизвестность. Варфоломей был рядом с родными, оставаясь в стороне от сопутствующей отъезду неразберихи. Он и помогал отцу, и ограждал от хлопот растерявшуюся мать, и сдерживал порывистого Стефана. Неизбежность перемен его не

страшила. Он знал, что на все воля Божья. И подчинялся этой воле беспрекословно.

Село Радонежское, куда переселился Кирилл со своим семейством, было окружено густыми лесами. Оно принадлежало малолетнему сыну Ивана Калиты. Стефан, обустроив своих, поступил на службу к юному князю Андрею Ивановичу. Помня строгие наказания отца, от всей души старался служить честно, усердно, и его усердие было замечено. С ним считались. Воевода Терентий Ртищ отмечал его.

А жизнь шла своим чередом. Вот уже и Петр, женившись, стал строить свой дом. А Варфоломей по-прежнему оставался со своими родителями, помогал им, постаревшим, беспомощным во всем. Его внешняя жизнь казалась простой и небогатой событиями. Варфоломея всегда отличала природная скромность, доброжелательность и готовность услужить каждому, кто в этом нуждался. Получая истинную радость от общения с Богом, он умудрялся не впускать в себя мир зла. И все больше крепло его желание уйти в монастырь.

Однажды Варфоломей, решившись на этот шаг, пришел к родителям и попросил отпустить его. Мария ожидала этого, но все-таки просьба сына застала ее врасплох. Она не знала, что ему ответить. И Кирилл молчал. Наконец выговорил, глядя в сторону, как бы стесняясь сына:

— Ты видишь, что мы стары и немощны. У братьев свои семьи, им не до нас сейчас. И выходит, что, кроме тебя, поддержать нас некому. Твое желание нам понятно, и мы не против. Но только послужи нам немного, подожди, пока Бог не возьмет нас к себе. Проводишь в последний путь, и тогда поступай, как тебе нужно.

Варфоломей привык считаться со своими родителями. Послушался их и на этот раз.

Неожиданно беда постучалась в дом Стефана. Его любимая жена Анна внезапно скончалась, оставив сиротами двух сыновей. Горе Стефана было так велико, что он оставил службу и постригся в монахи в Хотьковском монастыре, который находился в трех верстах от Радонежа.

Некоторое время спустя Кирилл и Мария, чувствуя, что скоро отойдут к Господу, приняли схиму в том же Хотьковском монастыре и тихо скончались там как праведники.

Варфоломей остался один, он готов был осуществить свою мечту, свое истинное призвание — уйти в монастырь. Но простого пути к Богу у людей сильных духом не бывает.

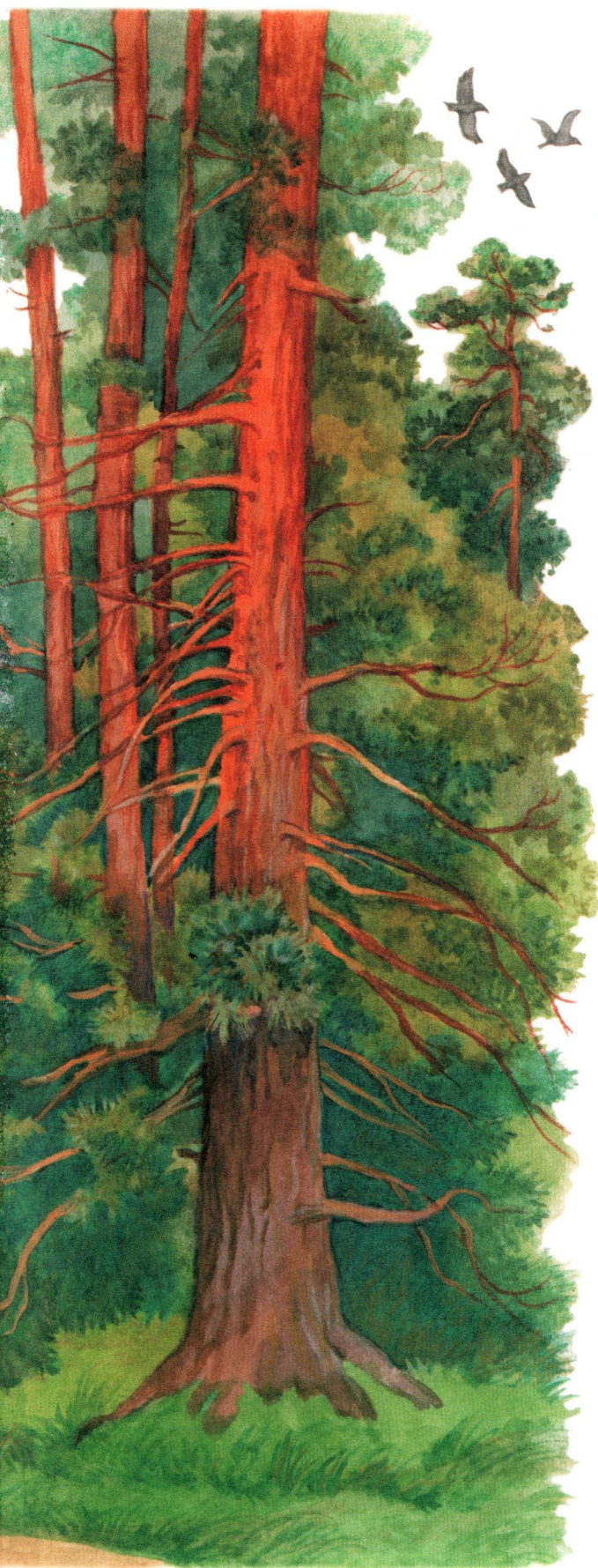
ПРАВЕДНЫЕ ТРУДЫ НА МАКОВИЦЕ

Оставшееся после родителей наследство Варфоломей передал своему младшему брату Петру. Себе не оставил ничего. Да ему ничего и не нужно было в его другой, новой жизни.

Освободив себя от мирских забот, Варфоломей пришел к старшему, Стефану. Наверное, почувствовал, что в своей тоске по умершей жене брат слабел духом. Ему нужна была духовная помощь. Варфоломей предложил брату уйти в необжитое место и там начать строительство храма Божия. В отречении от всего мирского видел он смысл монашества.

Они проговорили всю ночь, а наутро взяли по посоху и отправились в лес искать место для особого духовного подвига — пустынного жительства.

Такое место нашли в десяти верстах от Хотькова. На пологой горе, окруженной со всех сторон непроходимыми лесами. Здесь, на этой возвышенности, пронизанный солнцем сосновый бор показался братьям величественным храмом. Аромат янтарной смолы был свеж и крепок. Внизу журчала лесная речка. На горе, названной ими позднее Маковицей, братья остановились. Сначала построили небольшой шалаш, покрыли его еловыми ветками: на первых порах в нем можно было спрятаться от непогоды. Потом стали лес рубить, строить келью и небольшую церковь. Плотничать умели оба, силы и тому, и другому было не занимать. Но вдвоем, без помощников, им строить не приходилось. Иногда к ним приходил Петр, приносил хлеба, соли, толченого проса да сухарей.

Работа была тяжелая, еда скудная. Ни дорог, ни тропинок до ближайшего жилья. Братья много работали и усердно молились. Они мало разговаривали друг с другом, не оставляя времени для отдыха. Наконец на расчищенной от деревьев поляне поднялась небольшая деревянная церковка. Варфоломей спросил Стефана, во имя какого святого следует ее назвать? Старший брат удивленно взглянул на младшего и сказал:

— Разве не помнишь, что предсказал старец, когда ты был маленьким? Церковь надо назвать во имя Святой Троицы.

Варфоломей и сам думал об этом, но то, что Стефан вспомнил о предсказании старца, было для него очень важным.

Для освящения церкви требовалось получить разрешение у местного священнослужителя. Стефан уговорил брата пойти за благословением к митрополиту Феогносту. Отправились в Москву пешком. Митрополит принял их, выслушал, подивился тому, что братья решились на пустынножительство, и послал

Пострижение Сергия
Клеймо иконы «Сергий с житием»

с ними священников, чтобы они освятили церковь. Так было положено начало Свято-Троицкой обители.

Жить в глухом лесу, когда зимой земля трескалась от мороза и лес стонал от вьюг, когда едой были только сухари, было трудно. Стефан, вдохнув московского воздуха, стал тяготиться пустынным житьем. Для себя он такой жизни не желал. Варфоломей, видя, как брат мучается, сам заговорил с ним о том, о чем Стефан по малодушию молчал.

— Ты знаешь, что без тебя мне было бы трудно здесь. Я просил тебя о помощи, ты поддержал меня. Я тебе за это благодарен. А сейчас я хочу поддержать тебя. Вижу, что ты уже решился уйти в Москву. Иди, ни о чем не жалея. Обо мне нисколько не печалься. Я почту за

счастье остаться здесь. Мое дело — смиряться и молиться.

И Стефан ушел в Москву, стал иноком в Богоявленском монастыре. Варфоломей остался один. Самые большие испытания у него были еще впереди. Но для того, чтобы выдержать эти испытания, он хотел совершить главное — постричься в монахи. Варфоломей пригласил к себе сельского священника, игумена Митрофана, попросил пожить у него несколько дней и открыл ему свое желание стать иноком.

Игумен Митрофан совершил над ним обряд пострижения, и Варфоломей в монашестве получил новое имя. Его нарекли Сергием. Новую жизнь инок Сергей начал в двадцать три года.

На прощание Митрофан сказал:

— Благословляю тебя на жизнь уединенную и предаю тебя в руки Божии: Господь да будет твоим заступником и хранителем.

Слово «монах» в переводе с греческого — «уединенный». На Руси монахов называли иноками. Иноки — то есть иные, живущие по-иному, чем остальные люди. Русскому монашеству положили начало преподобные Антоний и Феодосий Печерские, основатели пещерного монастыря в Киеве (1062). Стремление к пустынножительству определялось необходимостью покинуть мир, «который во зле лежит», чтобы остаться наедине с Богом. Кроме отшельников были и монашеские общины (по-гречески — «киновий», по-латыни — «коммуна»). В общине все иноки составляли единую братскую семью под началом настоятеля, игумена, который был отцом-наставником монашеской семьи. Главные обеты монаха — целомудрие, нестяжание, послушание. Основа монастырской жизни — труд, одновременно и духовный, и физический. Словом «послушание» в монастыре принято считать назначение на определенный вид работ: возделывание земли, выпечку хлеба, пошив одежды для нужд братии и так далее.

ОТШЕЛЬНИК

Он остался один на Маковице, в тесной келье возле церкви Святой Троицы. И теперь для него каждый день был подвигом.

Никогда ранее Сергей не предавался унынию, но в пустынном месте, когда

разговор ведется только с Богом, когда окружающий мир суров и равнодушен, он принял за правило ни при каких условиях не впадать в отчаяние. И только здесь, в своем великом одиночестве, Сергей постиг глубину молитвенного слова и силу его. Изнуряя себя постом и тяжелым физическим трудом, он неустанно молился, сверя каждое дыха-

М. Нестеров. *Юность преподобного Сергия*

ние с памятью о святых отшельниках, а по вечерам размышлял о том, какие чувства его посетили за день: не слукавил ли перед собой, не предавался ли унынию, не призывал ли в порыве малодушия смерть, не впал ли в грех безверия?

Он, конечно же, был не пуглив. Пугливому человеку нечего делать в пустынном уединении. Но и у Сергия были мгновения страха, отчаяния. Немало искушений преодолел он в борьбе с невидимыми врагами в самом начале своего одиночества. Страшные видения посещали его. Возникали перед ним безобразные рожи, оскалы звериные, змеи ядовитые. Бесовские силы бросались на него, свистели, скрежетали, жалобно стонали, предупреждали: «Уйди с этого места, все равно погибнешь, не выживешь!». Сергей же отгонял их молитвой. Призывал имя Господа и разрывал невидимую паутину бесовских наваждений. Это давалось ему нелегко, ведь никого рядом. Один.

Зимой, в ночи, под завывание вьюги, шел он из своей холодной кельи в церковь, зажигал одинокую свечу, а если свечи кончались, то лучину, и читал знакомые слова молитвы: «Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради».

И он чувствовал, как с каждым словом молитвы выпрямлялась душа, и тихим светом наполнялся полутемный бревенчатый храм, и, казалось, свет этот виден далеко-далеко, во все стороны. Думал ли в такие моменты инок Сергей, что скоро этот свет увидят многие люди и пойдут сюда, в лесную пустынь, чтобы укрепить свои силы, отогнать прочь сомнения, очиститься духовно? Но до этого еще далеко. Пока только пугливые белки спускаются на плечо к Сергию, да кружат в отдалении любопытные лисы. А однажды весной Сергей увидел перед своей кельей медведя. Тот был так изможден, что даже не пошевелил-

ся при виде человека. Сергей сжалился над зверем и вынес ему хлеба. С тех пор медведь, ожидая от него подавания, стал часто приходить к Сергию. Около года приходил он к монашеской келье и бродил за Сергием как ручной.

Так прожил Сергей в одиночестве более двух лет. Суровая жизнь не истощила его силы. За это время он возмужал, опыт иноческой жизни отразился и на его внешнем облике. Из мечтательного юноши он превратился в сильного духом монаха-строителя, человека деятельного, но, как и в юности, чистого сердцем, кроткого нравом и открытого Слову Божию. Слухи об иноке Сергии, смиренном и чистом душой, ходили по окрестным городам и селам, возникая как бы сами собой. И притягивали к пустынному месту все больше людей. Еле заметные тропинки становились все утоптаннее. К Сергию шли кто за советом, кто за наставлением, а кто и просто посмотреть на юного подвижника. И многие возвращались от него успоко-

енными, просветленными. Он никому не отказывал в духовной помощи — а именно в ней и нуждались люди.

Среди многих других дьякон Онисим с Елисеем пришли к Сергию и стали просить позволения жить вместе с ним. Но он знал, что не всякому под силу суровая жизнь пустытника. Отговаривал искренне:

— Места здесь дикие, много лишений предстоит вам перенести. Готовы ли вы к ним?

— На все готовы, — твердо отвечал Онисим, — позволь только поселиться здесь, позволь нам молиться рядом с тобой.

Сергий медлил, долго не соглашался, но все-таки уступил им. Не мог отказать людям в намерении посвятить себя Богу, но молился за них усерднее.

Собравшихся вокруг Сергия было немного, не более двенадцати человек. Каждый вновь приходивший рубил себе келью и вел свое хозяйство. Потом

кельи обнесли бревенчатым тыном, чтобы была защита от диких зверей. Так вокруг церкви Святой Троицы возникла лесная обитель со своим строгим распорядком жизни. Духовный авторитет Сергия был несомненным, но он считал себя не наставником, а слугой каждому монаху. Сам построил несколько келий, вырыл колодец и каждый день приносил воду для всей братии. Он рубил дрова, пек хлеб, шил одежду, копал огород — любое дело исполнял с радостью. Праздности в монастыре не было. Жили скудно и сурово. И так изо дня в день, из года в год: службы в церкви, молитвы в кельях, переписывание священных книг. Литургию служить приглашали священника из ближнего села.

Монастырь рос, а наставника не было, и монахи все чаще приступали к Сергию с одной просьбой — принять сан священства и стать игуменом, взять на себя руководство монастырем. Он отказывался.

— Кому же еще быть игуменом, как не тебе, основателю этого монастыря? Другого у нас нет, да нам и не надо никого, кроме тебя! — говорили ему.

— Не просите, братья, — отвечал Сергий, — не хочу подвергать себя соблазну властолюбия. Лучше повиноваться, нежели начальствовать.

— Отче, мы не можем жить без игумена, — сказал тогда от имени всех Елисей. — Хотим к тебе приходить с покаянием, хотим от тебя получать разрешение наших грехов. Хотим из честных рук твоих приобщаться Божественных Таин.

Очень трудно было Сергию возражать на это, но он отказывался:

— Братья мои дорогие, у меня не было никогда помысла об игуменстве. Одного желает моя душа — окончить свои

Св. преподобный Сергий Радонежский
Икона начала XX века

Митрополит Киевский и всея Руси Алексий (1300—1378) родился в Москве в семье родовитого боярина. Постригся в иноки в Богоявленском монастыре, где игуменом был Стефан, брат Сергия Радонежского. Митрополит Алексий был советником трех князей московских, он руководил боярской думой, ездил в Орду, налаживал отношения, карал церковным отлучением князей, не подчинявшихся великому князю Московскому. Он способствовал усилению Москвы как центра русского православия. С Сергием Радонежским его связывали узы искренней дружбы.

дни простым иноком. Не принуждайте вы меня!

— Если ты не хочешь заботиться о душах наших и быть нашим пастырем, то мы вынуждены будем оставить это место, нарушить обет, данный Богу. Ты вынуждаешь нас так поступить.

Сергий не хотел самостоятельно принимать решения. Он оставил это на усмотрение церковной власти. Для чего и отправился пешком в Переяславль к епископу Афанасию, который, по случаю отсутствия митрополита Алексия, управлял делами митрополии.

Афанасию имя Сергия Радонежского было хорошо известно. Узнав, что Сергий пришел просить, чтобы поставили им игумена, сказал твердо:

— Тебе быть отцом и игуменом для братии, тобою же собранной в новой обители.

После совершения обряда Афанасий долго беседовал с Сергием и сказал на прощание:

— Теперь ты принял великий сан. Знай, что тебе придется по заповеди великого апостола «сносить немощи бесильных и не себе угождать...»

Св. Алексий митрополит
Икона начала XX века

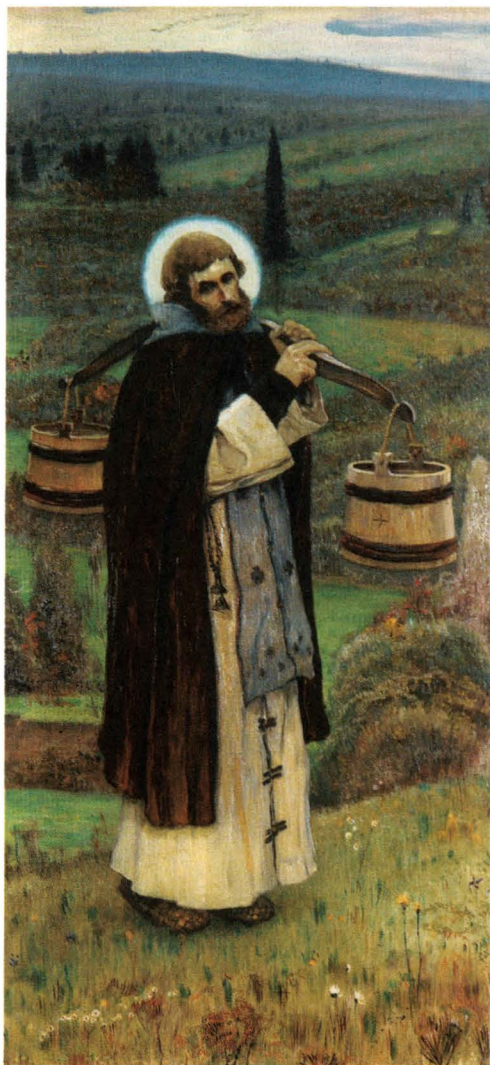

ИГУМЕН СЕРГИЙ

В обители ждали Сергея с большим волнением. Не мыслили иноки себе другого духовного наставника. Едва увидев его, вышли навстречу и низко поклонились своему пастырю. Сергей не сдержал слез. Сразу же по возвращении он прошел в церковь и встал на молитву, просил, чтобы Господь послал ему помощь в новом служении.

Игумен первым приходил в церковь и последним уходил из нее. Но, как и прежде, был всем помощником и слугой, никакой работы не боялся.

М. Нестеров. *Труды преподобного Сергея*

Осень сменяла лето, весна — зиму. Монастырь рос, число послушников все увеличивалось. Сергей принимал всех, но, зная на собственном опыте трудности монашеской жизни, он совершал постриг не сразу. Сначала поручал новичку исполнять вместе с прочими иноками послушание, то есть необходимую для обители работу, пока тот не привыкнет к суровым правилам жизни, к уставу монастырскому. Если видел, что новоприбывший усерден в работе и молитве, тогда только совершал над ним обряд пострижения. Не каждый выдерживал суровость климата, скудость пищи и одежды, кто-то покидал

обитель, но уходил просветленным и обогретым добрым словом Сергия.

Монастырь был беден. Не хватало самого необходимого: вина для Божественной литургии, муки для просфор, воска для свечей. Тогда иноки зажигали березовые лучины, и при их свете совершали церковные службы. Из дерева делали чаши, служившие для таинства Причащения. Если не было пергамента, то священные книги переписывали на бересте.

Тяжело было, когда кончалась еда. Игумен Сергий умел долго терпеть, но однажды, поголодав три дня, и он не выдержал.

На четвертый день утром он взял топор и пошел к келье Даниила, старца зажиточного, но скуповатого.

— Я слышал, что ты хочешь пристроить сени к своей келье, — сказал Сергий, — поручи мне эту работу.

— Не знаю, что и сказать, — замаялся Даниил. — Сени мне нужны. Я давно уже и дерево заготовил, жду только плотника из деревни. Поручить это дело я тебе не решаюсь. Ты, пожалуй, запросишь с меня дорого.

— Сам решай, как меня отблагодарить... Может быть, дашь мне немного хлеба, вот мы и будем в расчете.

Даниил вынес решето, полное наломанных, засохших кусков хлеба, и сказал:

— Вот, все что есть, а больше мне дать нечего.

— Хорошо, — сказал Сергий, — только ты отдай мне их не сейчас, а после того, как я выполню работу.

Целый день он трудился в поте лица: тесал бревна, долбил столбы. К вечеру, как и обещал, закончил строительство сеней и только тогда получил в счет оплаты решето хлебных остатков. Наконец, он смог поесть. Как всегда, с молитвой игумен приступил к своей вечерней трапезе. Он ел покрытый плесенью хлеб, а монахи, глядя на своего игумена, удивлялись его смирению.

Монастырь был так беден, что многие страдали от голода. Игумен же строго запрещал выходить из монастыря и просить милостыню. Однажды монахи не выдержали и стали возмущаться. Один из иноков пришел к Сергию в келью и сказал:

— Ты запрещаешь нам просить подаяние. Значит, мы должны умирать с голоду? Терпеть больше не можем. Мы остаемся здесь еще на одну ночь, а на утро уйдем отсюда.

Сергий просил потерпеть, напомнил о подвигах святых отцов, которые ради

Христа переносили еще большие лишения.

— Вот и для нас наступило время испытаний, — сказал он. — Если мы не будем роптать, а примем эти испытания с благодарностью и смирением, то Господь нас не оставит...

Кто знает, чем бы закончился этот день. Кто-то, вероятно, и ушел бы. Но тут вбежал в келью запыхавшийся привратник и сказал:

— Отче, у ворот стоят повозки с хлебом, рыбой и другой едой в дар монастырю. Благослови принять?

Сергий посмотрел на растерявшегося инок. Благословил принять дары. На монастырский двор въехало несколько повозок. Стали узнавать, кем послан этот дар, но возчики твердили, что им не велено ничего говорить. Освободившись от поклажи, они тут же уехали. Иноки попробовали хлеб и удивились тому, что он был теплый, мягкий, будто только что из печки.

— Это посылает нам Бог за терпение, — сказал Сергий. — Он никогда не

оставит своих рабов, служащих ему день и ночь.

Преподобный Сергий Радонежский ушел в непроходимые леса, чтобы жить в полном уединении. В течение нескольких лет словом, обращенным к Господу, он преобразил дикую, суровую местность, одухотворил ее. Слух о нем прошел в самых разных городах и селах Северной Руси. Спустя годы вокруг Сергиевой обители стали селиться и крестьяне-землепашцы. Они распахивали землю, ставили свои деревеньки, торили дороги. Заселение шло очень быстро. И так получилось, что дорога из Москвы в северные города приблизилась к монастырю. И не только местные жители шли к игумену за советом, помощью, благословением, но и князья с боярами все чаще посещали Троицкий монастырь. Митрополит Алексий подружился с Сергием, найдя в нем мудрого собеседника.

Монастырь перестал испытывать нужду в самом необходимом. Богатые покровители и новые поселенцы снабжа-

ли его не только продуктами питания, но и одеждой, книгами, воском для свечей. Сергей же оставался таким, как и в начале своего пути, — тружеником, строгим монахом, помощником и слугой своим ученикам, равнодушным к благам и почестям.

Жизненная необходимость заставила его совершить чудо с источником. Количество послушников в монастыре росло, и стало не хватать питьевой воды. Да к тому же ее приходилось носить издалека. Тогда Сергей, взяв с собой одного из монахов, отошел на некоторое расстояние от монастыря, увидел небольшую лужу и стал возле нее молиться. Он просил Господа дать воды, осенил место крестным знамением, и тут забил ключ, который со временем превратился в непересыхающий ручей, из которого можно было черпать сколько угодно. Монахи стали называть этот ручей «Сергиевой рекой», но игумен запретил им называть его так. То, что для других было чудом, для Сергея — проявлением милости Господа.

А слава о нем как о чудотворце была уже велика. Один любопытный крестьянин, придя в монастырь, стал спрашивать, как бы ему повидать знаменитого отца Сергея?

— Он сейчас занят, копает грядки в огороде, — сказал привратник.

Крестьянин подошел к ограде, заглянул в щель и увидел бедно одетого монаха, склонившегося над грядкой. Не поверил, что это игумен, и обиделся на привратника, так зло подшутившего над ним. А когда Сергей проходил мимо, один из иноков сказал крестьянину:

— Вот идет игумен. Ты его хотел повидать?

— Я пришел издалека посмотреть на святого, а вы меня посылаете к какому-то нищему, — с обидой в голосе сказал крестьянин. — Зачем насмехаетесь надо мной?

В. Самсонов. Родник Сергия Радонежского

— Пойдем с нами в трапезную, — сказал Сергей, — может, ты там найдешь того, кого ищешь.

Крестьянин пообедал, поблагодарил за хлеб-соль и сказал, что об одном сожалеет, что не довелось увидеть знаменитого чудотворца Сергия.

В это время в монастырь прибыл князь со свитой. Он вошел в трапезную и низко поклонился Сергию. Потом они сели за стол и стали беседовать. Слуги князя оттеснили крестьянина,

Изведение источника
Клеймо иконы «Сергий с житием»

а он все выглядывал из-за широких спин ратников и спрашивал окружающих, кто же этот чернец, который сидит с князем?

— Ты впервые здесь, потому и не узнал игумена Сергия.

Крестьянин растерялся, понял, какую совершил ошибку, но не ушел тай-

Русская православная церковь делала все, чтобы сохранить единство Руси в годы ордынского ига: отвечала за просвещение народа, направляла развитие мысли, книгописания, иконописи. Московские князья поддерживали новое монашеское движение, которому дал начало Сергий Радонежский. Он своим примером доказал, что принципы христианской морали осуществимы даже в гнетущей атмосфере повиновения ханам, когда понятия о добре и зле, казалось, утрачены навсегда.

ком, а дождался, когда Сергий остался один, и стал просить у него прощения.

Улыбнулся Сергий светлой улыбкой и сказал ему:

— Ты один не ошибался, когда говорил, что я простой монах. Другие же видят то, чего нет во мне.

Другие же видели то, что не заметил простодушный крестьянин. И шли к Сергию за духовным руководством. Вот и старший брат Стефан вернулся. В Москве он был игуменом Богоявленского монастыря, но оставил всё и снова приехал на Маковицу, на то место, где начинал пустынную жизнь. Приехал с твердым намерением остаться здесь, у младшего брата, и привез с собой сына Ивана, который мечтал стать иноком. Несмотря на то, что Ивану было всего 12 лет, Сергий постриг его с именем Федор. И тот в течение двадцати двух лет был верным помощником игумену.

УХОД ИЗ ОБИТЕЛИ

Однажды вечером, стоя у себя в келье на молитве, он услышал голос: «Сергий! Ты молишься о своих духовных детях. Господь услышал твою молитву. Посмотри, какое множество иноков собрано тобой!».

Сергий взглянул в узкое оконце и увидел, как небо озарилось дивным светом, и в этом зареве летало множество прекрасных птиц. И снова он услышал голос: «Так умножится число учеников твоих. И после тебя они будут славить Господа!».

Сергий в большом волнении позвал Симона, жившего в соседней келье, и рассказал ему о своем видении. А потом, оставшись один, преподобный долго еще переживал случившееся с ним. Он понимал, что это видение не случайно. Оно пришло в ответ на его молитвы

и напряженные ночные раздумья о судьбе обители.

Дело в том, что монастыри на Руси были «особножитными», когда каждый из монахов жил отдельно, имел свою собственность, и собирались иноки только на молитвы. Имущественное неравенство порождало иногда и зависть, и раздоры. Сергей хотел изменить внутреннюю жизнь монастыря, взяв за основу первохристианские общины. Он получил поддержку у митрополита Алексия и ввел в обители общежитие.

Новые правила предполагали совместное ведение хозяйства, то есть общую собственность и равное участие каждого инока во всех необходимых работах.

Правила общежития считались более строгими. Жили общиной. Порядок жизни в кельях был прежний, но личной собственности не дозволялось. Нельзя было в кельях есть и пить — для совместной трапезы были построены общая трапезная и поварня. Не поощрялась праздность. Монахи сами шили себе одежду, обувь, выращивали овощи, пекли хлеб. Из монастыря нельзя было выйти без благословения настоятеля. Для управления монастырем игумен избрал себе помощников и распределил между ними обязанности.

Среди монахов оказались недовольные. Но открыто выступать против нововведений преподобного Сергея никто не решался. Жаловались Стефану, просили его повлиять на брата. Стефан и сам был настроен против Сергея. Он считал, что его опыт игуменства в московском монастыре дает ему особое право на руководство и здесь. Ведь это он пришел сюда много лет назад, он строил вместе с братом первую церковь. Сергей чувствовал глухое недовольство братии, но надеялся, что с Божьей помощью воцарится согласие.

Но случилось непоправимое. Однажды во время службы в церкви, когда игумен

Явление красных птиц
Клеймо иконы «Сергий с житием»

Сергий находился в алтаре, Стефан оставил канонарха (хранителя богослужебной книги) и спросил его:

— Кто дал тебе эту книгу?

— Игумен.

И тут Стефан, не помня себя от гнева, закричал:

— Кто здесь игумен? Не я ли первый основал этот монастырь?

Он разразился бранью в адрес Сергея, упрекнул его в том, что тот ввел новые правила, не посоветовавшись с ним, Стефаном. Сергей все это слышал, слышали и многие монахи, находившиеся в церкви. Никто не сказал ни единого слова, но зреющее недовольство выплеснулось наружу, и его надо было как-то разрешить. Сергей мог бы удалить ропщущих — как игумен он имел на это право. Но он никогда не пользовался властью ради власти. Он умел увеще-

А. Васнецов. Троице-Сергиева лавра

вать, тихо поправлять тех, кто ошибался. И поступил так, как никто другой не поступил бы.

По окончании службы Сергей не стал заходить в свою келью. Он незаметно вышел за ворота монастыря, оставил созданную своими руками обитель, не желая разжигать зависть и властолюбие. Он уходил по еле заметным лесным тропинкам все дальше и дальше от Троицкой обители. А в монастыре было тихо. Никто не догадывался, что пастыря уже нет на Маковице... Он шел по дороге — высокий старик в поношенной рясе и с посохом в руке. Он всегда ходил пешком на любые расстояния, но эта дорога показалась ему самой тяжелой и длинной. На следующий день он остановился у ворот лесной обители, расположенной в тридцати пяти километрах от Троицы.

Игумен Махрищского монастыря, друг и ученик преподобного Сергея Радонежского, не поверил, когда ему сказали, что у ворот стоит некий старец, весь забрызганный грязью и уверяет, что он — Сергей. Игумен вышел ему навстречу, поклонился, и, ни о чем не спрашивая, провел к себе. Они давно знали и понимали друг друга с полуслова. Сергей после небольшого отдыха попросил в помощь себе монаха, чтобы в пустынном месте начать строительство нового монастыря.

С. Ефошкин. *Преподобный Сергей. По Руси*

В 1744 году Троице-Сергиев монастырь получил статус лавры. Лавра — слово греческое, означает «улица», «переулок» или «уединенное место». Уединенные монастыри греки называли лаврами. В России лавра — это монастырь, наиболее богатый и знаменитый: Троице-Сергиева, Александро-Невская. В 1408 году при преемнике Сергия, игумене Никоне, деревянный монастырь был сожжен ханом Едигеем, но потом довольно быстро был восстановлен. Первое каменное здание монастыря (Троицкий собор) было воздвигнуто в 1423 году «в похвалу Сергию». Большую часть средств на строительство собора дал сын Дмитрия Донского звенигородский князь Юрий Дмитриевич. Это здание сохранилось до наших дней.

Троицкий собор с Никоновским приделом

Через несколько дней вместе с монахом Симоном Сергей отправился дальше. В лесную глушь. На реку Киржач. Там они и нашли подходящее место для строительства нового монастыря.

Он был внутренне спокоен и уверен в правильности своего поступка. Выяснять отношения с братом Сергей не хотел. Для него правильнее было начать все сызнова. С той только разницей, что Сергей был уже умудренным, известным на Руси старцем, чудотворцем и великим молитвенником. И, конечно же, его новое дело не могло долго оставаться незамеченным.

А в Троицком монастыре после ухода Сергия случился переполох. Его искали везде, но не могли найти. Растерянные монахи не хотели верить, что наставник оставил их. Молча, опуская глаза, проходили они мимо Стефана, а тот, видимо, ждал, что его позовут в игумены. Не позвали. Иноки думали, где искать Сергия, многие плакали, опасаясь, что с ним что-то случилось. Отправили гонцов на поиски своего духовного отца

и стали успокаиваться только тогда, когда узнали, что он ночевал в Махрищском монастыре и ушел дальше. Некоторые ученики пошли за ним вслед и, когда добрались до Киржача, увидели преподобного с закатанными рукавами старой рясы, с топором в руках. Он снова расчищал место в лесу, рубил деревья для строительства монастыря. Все-таки они были его духовными детьми, и он любил их. И они любили своего пастыря. Без лишних разговоров они встали рядом с Сергием и принялись за работу. Только ближе к вечеру после трудового дня и общей молитвы стали упрашивать своего игумена вернуться домой, в Троицкий монастырь. Он ответил, что не бросит начатого дела.

Постепенно к Сергию перебирались из Троицкого монастыря те, кто не мыслил монашеского дела без него. Кто не хотел оставлять своего учителя и наставника. Узнав, что Сергей строит новый монастырь на Киржаче, ему стали оказывать помощь князья и бояре, вносили богатые вклады, присылали строителей,

поэтому монастырь рос быстро. Более трех лет пробыл здесь Сергей, и все это время к нему шли ходоки и просили вернуться на Маковицу, к братии. И только после приказа митрополита Алексия, он оставил вновь созданный Благовещенский монастырь ученику своему Роману и воротился. Стефана там уже не было. Монахи же были так счастливы, что при встрече с ним бросались к ногам его, целовали края запыленной одежды, крестились от радости, восклицая при этом: «Слава тебе, Господи, что сподобил Ты нас, осиротевших было, вновь увидеть нашего отца!».

ЧУДЕСНОЕ «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Троицкий монастырь, живший теперь по уставу более строгому, общежитийному, рос и богател. К преподобному Сергию, заступнику, наставнику и чудотворцу, шли люди из разных мест. В его молитве нуждались крестьяне и бояре, князья и бездомные странники. От общения с ним оставалось ощущение удивительной ясности, чистоты. Молитва его считалась чудотворной. И подтверждений тому было множество.

У крестьянина, жившего недалеко от Троицкого монастыря, тяжело заболел маленький сын. Мальчик таял на глазах. В горе отец понес умирающего ребенка к Сергию. Просил его помолиться. Пока игумен готовился к молитве, мальчик умер. Отец, увидев это, стал плакать:

— За что мне такое страшное наказание, — громко причитал он, обращаясь к Сергию. — Уж лучше бы сын мой умер дома. Тогда у меня осталась бы вера в тебя...

Отец вышел из кельи, чтобы приготовить все для похорон, а когда вернулся, то увидел, что ребенок поднялся и смотрит на него улыбаясь. И даже щечки у него порозовели. Сергей сказал:

— Напрасно ты так убивался, ведь ребенок твой жив, а скоро будет совсем здоров.

Обрадованный отец стал благодарить Сергия за чудо, сотворенное им.

— Не ведаешь сам, что говоришь, — строго остановил его Сергей. — Просто от сильной стужи твой сын потерял сознание, а теперь отогрелся. Вот и все. А тебе кажется, что он воскрес!

С. Чикунчиков. *Воскрешение отрока Сергием Радонежским*

Но отец все твердил, что Сергей своей молитвой сотворил чудо. Сергей запретил ему говорить об этом. Но скрыть такое было невозможно. Слухи о чудесах, творимых Сергием, распространялись быстрее ветра.

Однажды издалека, с Волги, привезли к Сергию знатного вельможу. Он был одержим безумием: буйствовал, кричал, даже кусался в дороге так, что его пришлось связать. Уже подъезжали к монастырю, безумец кричал все громче, и слышно было это в самой церкви. Сергей горячо стал молиться о болящем, а когда подошел к нему и осенил крестом, тот с воплем бросился в лужу, оставшуюся после дождя. И вдруг больной стал успокаиваться. Ко всеобщему удивлению через некоторое время он почувствовал себя совершенно здоровым. Рассудок вернулся к нему.

— Почему же ты бросился в лужу? — начали спрашивать его родные.

— Когда Сергей стал осенять меня крестом, я увидел огонь, исходящий из креста. Я так испугался... решил, что это пламя сожжет меня, потому и бросился в воду.

Такие исцеления приумножали славу игумена Троицкой обители.

Преподобному Сергию Господь даровал необычайную силу, исцелявшую, обновлявшую нравственно каждого, кто с истинной верой к нему обращался. Но сам Сергей оставался смиренным монахом и другом своим ученикам.

Более всего на свете он ценил благодатную тишину ночи, когда мог обращаться с молитвой к Богу. По вечерам Сергей обходил кельи. Если видел, что инок проводит время за вычитыванием молитвенного правила или трудится на благо братии, наставник искренне радовался усердию учеников, светлел

лицом и молился за них. А видя, что монахи собираются вместе, ведут житейские разговоры или смеются, Сергей стучал своим посохом в оконце и уходил. Наутро звал к себе нарушителя правил, беседовал с ним. Всегда прощал, если видел раскаяние. Но мог наложить и епитимию на непокорного. Сергей был мудрым наставником. Более всего он воспитывал иноков своим примером, своей праведной жизнью.

Митрополит Алексей, дипломат, политик, советник московских князей, уважал преподобного Сергия и хотел, чтобы тот со временем стал его преемником. Будучи тяжело больным, Алексей призвал Сергия в Москву для важного разговора.

Когда Сергей явился, Алексей взял свой золотой митрополичий крест, украшенный драгоценными камнями, и подал его преподобному Сергию. Но тот отказался.

— Прости меня, владыко, принять этот крест не могу. С юных лет не прикасался к золоту, а сейчас, когда наступила старость, тем более не дерзну. Нищим был я всегда, нищим и уйду в могилу.

— Знаю, — ответил митрополит, — не стал бы я тебя беспокоить, если бы не вынужденные обстоятельства. Никого, кроме тебя, преемником своим не вижу. Покажи свое послушание, прими этот крест.

— Не приму, — сказал Сергей, — я грешный, самый последний из людей. Не для меня столь высокий сан. Если ты не хочешь, чтобы я ушел из твоих пределов, никогда больше не проси меня об этом.

Сергий убедил митрополита, что лучше для всех будет, если он останется на своем месте, в лесу, на Маковице, среди своей братии. Москва и Кремль его не прельщали.

Алексий уважал мнение игумена. Он понял, что Сергей непреклонен, и отпустил его с миром.

Неизвестный художник. *Дмитрий Иванович Донской, великий князь Московский*

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Утро 18 августа 1380 года было хмурым. Еще накануне небо заволокло тучами, и прошел быстрый косой дождь. От влажной земли поднимался легкий туман. Но к полудню солнце вырвалось из серой пелены облаков и осветило всю округу ровным золотым светом. И сразу оживилась лесная сторона. Защебетали птицы, потянулись к свету луговые цветы. Запах яблок, сложенных в большие плетеные короба возле монастырской поварни, проникал в церковь.

В Троицкой обители был обычный день, наполненный трудами и молитвами. Сергей ничем не выдавал своего волнения. Но оно ощущалось все явственнее.

Несмотря на то, что обитель была в стороне от бурной московской жизни, ее

непокой вдруг вторгся и сюда, встревожил душу каждого монаха.

Сергий ждал. К нему за последние дни то и дело приезжали вестники из Москвы и Переяславля. События последних дней взбудоражили каждый

город, каждое село русское. Старцу сообщали о том, как собираются ратные люди всех сословий под знамена великого князя Московского Дмитрия Ивановича на битву с ненавистным Мамаем. Сообщения были самые противоречивые. И он, отшельник и созерцатель, понимал, что столкновение неминуемо. Сергей не просил заехать великого князя Дмитрия, но был уверен, что тот не проедет мимо его обители...

Более ста пятидесяти лет разоряли Русскую землю монголо-татарские полчища. Они жгли города, уводили в плен людей и заставляли русских удельных

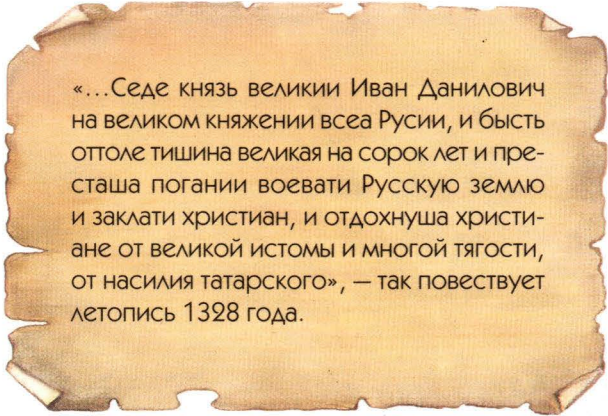

князей платить огромную дань. Грабили землю, унижали народ, стремясь поработить навсегда и сломить его дух.

Разорение и унижение — два кнута, с помощью которых управляли золотоордынские ханы русскими княжествами. И только при Иване Даниловиче Калите стала устанавливаться некая видимость спокойствия и мира в Северо-Восточной Руси. Сыновья Калиты Симеон и Иван продолжили политику отца, а внук, Дмитрий Иванович, впервые дерзнул пойти против монголо-татар. Он стал собирать русских князей под свое крыло, и, почувствовав свое могущество, перестал платить дань Золотой Орде. В это время в Орде правил Мамай. Узнав о непокорности Дмитрия, он решил проучить московского князя. Мамай два года собирал свое войско. Он объявил, что идет истребить княжества русские, наказать строптивых рабов.

Дмитрий, узнав о готовящемся походе, принял вызов. Он обратился к удельным князьям с просьбой прислать войска, и на его призыв откликнулись все княжества, за исключением Рязанского, Нижегородского и Тверского. К русским полкам присоединились полки двух сыновей Ольгерда, князя Литовского, — Дмитрия и Андрея. Сила собиралась огромная. В конце августа Дмитрий узнал, что Мамай уже три недели стоит за Доном. Московскому князю надо было торопиться, в Коломне его поджидали союзники. Но, как бы ни была дорога каждая минута перед битвой, он сначала отправился в Свято-Троицкий монастырь. К Сергию за благословением.

Для преподобного этот день, 18 августа, тоже был самым важным в жизни. Сергей спрашивал себя, имеет ли право он, священнослужитель, поддержать кровопролитие? Он знал, на чьей стороне правда. На стороне народа, замучен-

«...Седе князь великий Иван Данилович на великом княжении всеа Руси, и бысть оттоле тишина великая на сорок лет и престаша погании воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша христиане от великой истомы и многой тягости, от насилия татарского», — так повествует летопись 1328 года.

ного татарским игом. На стороне князей, объединившихся против общего врага. И когда келарь сообщил, что прибыл великий князь со свитой, Сергей знал ответ на мучивший его вопрос. С виду он был спокоен. И только легкий румянец на его бледных старческих щеках выдавал сдерживаемое волнение. Вышел навстречу Дмитрию, воеводам и склонился перед ними в глубоком поклоне.

Великий князь спешил. Мысленно он был уже там, в Коломне, где формировалось русское войско, куда пришли владимирские, ростовские, псковские, суздальские, серпуховские отряды. Но он не хотел выступать без благословения великого старца.

Сергий вошел в церковь, начал молебен. Во время службы то и дело входили порученцы с докладами о продвижении войск. Союзники, готовые выйти в поход, торопили Дмитрия Ивановича. Полчища Мамай наступали. Не было ни минуты свободной. Дмитрий вознамерился уехать сразу после молебна, но прозорливый старец упросил его «отведать хлеба-соли»:

— Обед сей, великий князь, будет тебе на пользу.

Спокойствие Сергия передалось Дмитрию. После трапезы преподобный благословил князя и всю его свиту, окропил святой водой. Дмитрий опустил на колени, и Сергей осенил его крестом:

Э. Лисснер. Троице-Сергиева лавра. Благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского

— Иди и не бойся ничего. Господь поможет тебе в святом деле против безбожных. Ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься!

Сергий подозвал к себе двух иноков. Александр Пересвет и Андрей Ослябя

в миру были искусными воинами. Облачив их в схиму с изображением Креста Христова, Сергий сказал Дмитрию:

— Вот тебе помощники. В битве они будут с тобой рядом. У них оружие неодолимое — Крест Господень.

Сергий проводил князя до ворот монастыря, еще раз благословил его и вернулся в церковь. А князь выехал из обители с верой в победу, с надеждой на помощь небесную.

20 августа Дмитрий прибыл в Коломну. Осмотрел войска. Никогда еще Русь

не собирала такого большого воинства. Более ста пятидесяти тысяч всадников и пеших собрались в поход на Мамая. В тот же день войско вышло в поход. Перешли Оку, прошли Рязанскую землю и вышли к Дону.

А в это время по всей Руси звонили колокола, в храмах служили молебны. Казалось, весь народ пробудился ото сна, в едином порыве готовый сбросить ненавистное рабство.

Войско Дмитрия перешло за Дон, остановилось на берегах реки Непрядвы. Пути к отступлению не было.

Ночь перед битвой он не спал. О чем думал Дмитрий? Сомневался ли в успехе? Сообщили, что прибыл монах. Откуда? Из Троицкой обители. Послание от игумена Сергия: «Иди, князь, иди вперед. Молись Святой Троице. Господь дарует тебе победу!».

Весть о послании Сергия стремительно разнеслась по полкам, придавала войнам уверенность в том, что впереди их ждет только победа.

8 сентября 1380 года на поле Куликовом сошлись две непримиримые силы. Россия вышла побеждать. Золотая Орда — поработать. Войско Мамая наступало первым. Ордынцы устремились в атаку с высокого места. Вслед за конницей шла пехота с копьями наперевес. Бились жестоко. Поле Куликово покрылось мертвыми телами, а войска все шли и шли. Когда ордынцы прорвали русский фланг, казалось, победа Мамая близка. Но тут из засады вылетел запасной полк князя Владимира Серпуховского и воеводы Боброка. Внезапный удар решил судьбу битвы. И Мамай дрогнул. Кровожадный хан со своим войском позорно бежал, побросав обозы. Русские гнали врага до самой реки Мечи...

Все это время в Троицкой обители игумен Сергий непрерывно молился со своей братией о победе. Обладая даром

провидения, он внутренним взором следил за ходом битвы, называл павших по именам. Наконец он произнес: «Мы победили!».

Это была первая победа над рабской зависимостью русских людей от власти Золотой Орды.

Великий князь Дмитрий, прозванный Донским, вернулся в Москву и тотчас отправился в Троицкую обитель. Благодарил Сергия за молитву. Просил слу-

жить панихиды за всех воинов, погибших на Куликовом поле.

После этого сражения Дмитрий Донской часто приезжал к игумену Сергию. Он нуждался в духовном пастыре и в беседах с наставником обретал необходимый мир в душе.

Дмитрию пришлось еще пережить тяжелое поражение от хана Тохтамыша, разорившего Москву. Русь снова вынуждена была платить дань. Корот-

кая и беспокойная жизнь великого князя проходила среди поражений и побед. Но главное дело его жизни, завещанное предками, было неизменным. Князь Дмитрий укреплял власть Москвы, собирал земли, искал мира с соседними удельными князьями.

Так, в 1385 году семидесятилетний старец Сергей по просьбе Дмитрия Донского пошел пешком в Рязань к коварному и хитрому союзнику ордынцев

князю Олегу. Рязанский князь не упускал случая и, пользуясь бедами Москвы, нарушал мирные договоры. Однако Дмитрий не хотел раздоров. Сергей долго беседовал с Олегом, склоняя его к примирению.

И случилось чудо: своей кротостью, тихим словом о мире и любви старец усмирил Олега. И тот укрепил союз с великим князем, женив своего сына на дочери Дмитрия Донского.

ДУХОВНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Последние годы жизни преподобного Сергия Радонежского были не менее удивительны, чем начало его иноческого подвига. По благословению знаменитого игумена ученики его пошли осваивать, облагораживать, отмаливать пустынные места вокруг Москвы и далеко за ее пределами. Из известных мос-

ковских монастырей по благословению Сергия были поставлены Андроников и Симонов. Первый был построен на берегу Яузы по желанию митрополита Алексия в память его избавления от неминуемой смерти во время морской бури. В этом монастыре Сергий поставил своего ученика Андроника. Здесь было положено начало знаменитой школы иконописи Андрея Рублева.

Симонов монастырь во имя Успения Богородицы был основан племянником Сергия Федором. Ученик игумена Павел, получив благословение, удалился в Ко-

мельский лес, долгое время жил в дупле дерева, потом построил Обнорскую обитель. Другой ученик, Авраамий, основал четыре монастыря близ Галича в Костромском краю.

Инок Мефодий нашел место в 15 верстах от Дмитрова и заложил первый камень Пешношской обители. Савва Сторожевский, любимый ученик Сергия Радонежского, в Звенигороде поставил монастырь Рождества Богородицы. Ферапонт и Кирилл ушли в северные края, недалеко от Белого озера основали Ферапонтов и Кирилло-Белозерский монастыри.

Так послушники Троицкой обители уходили в необжитые места, строили кельи, собирали вокруг себя иноков. Все дальше на север и северо-восток за пустынножителями шли переселенцы. Они рубили просеки, расчищали и обрабатывали землю... Укрепляли подвиг подвижничества. Вокруг монастырей возникала новая жизнь, основанная на традициях христианской культуры.

За монастырскими стенами изо дня в день, из года в год совершалась невидимая работа по укреплению нравственных сил русского народа, потому что в основе ее была истинная вера, любовь к ближнему, умение переносить любые лишения и невзгоды.

Значение монастырей в нашем отечестве было неизмеримо велико. Они в течение многих веков формировали лучшие черты русского национального характера.

Сергий стал духовным отцом не только для своих учеников, но и для русских

Спaso-Андроников монастырь
Фотография начала XX века

князей, воевод, бояр, крестьян. Все они находили у игумена Троицкой обители ободрение, духовную поддержку, а обездоленные, нищие — кров и пищу.

Более пятидесяти лет Сергей отдал своему истинному призванию — монашеству. Его жизнь — это строгое воздержание, неустанная работа, напряженная молитва. Его обращение к Богу не раз сопровождалось чудесами.

Однажды преподобный Сергей совершал литургию вместе с братом Стефаном и племянником Федором. Ученик Сергия, Исаакий-молчальник, увидел вдруг в алтаре еще кого-то в блистающих одеждах. Незнакомец с Евангелием в руке следовал за игуменом в алтарь. Исаакий удивился и спросил монаха Макария:

— Кто сей необыкновенный муж?

— Не знаю, брат, я и сам удивляюсь. Не пришел ли какой священнослужитель с князем Владимиром?

Выяснили иноки, что с князем священника не было. Тогда они обратились к Сергию с вопросом: кто служил вместе с ним литургию?

Игумен сначала не хотел им открывать тайну, но ученики не отступали. И тогда Сергей решился:

— Если сам Господь открыл вам, то и я не утаю. Тот, кого вы видели, был Ангел Господень. Не только сегодня, но и всегда, когда мне, недостойному, приходится совершать литургию, он незримо служит вместе со мною.

В другой раз свидетелем необычного явления оказался ученик Сергия Симон. Во время литургии он

увидел, что вокруг престола кружится огонь, озаряя алтарь. А когда Сергей хотел причаститься, то огонь опустился в чашу. Симон был так напуган, что не мог сдвинуться с места.

Причастившись, Сергей подошел к Симону и понял по лицу его, что случилось что-то необычное:

— Чего так устрасилась твоя душа?

— Отче, я увидел поистине чудо, — сказал ученик. — Я узрел Благодать Духа Святаго...

Старец успокоил Симона и строго запретил говорить об этом, пока его земной путь еще не окончен.

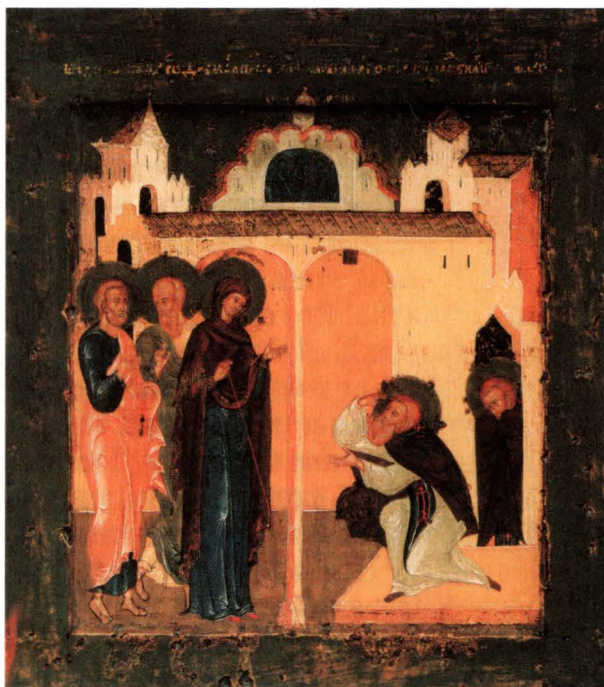
На закате дней своих Сергию была явлена еще одна милость Божия. Однажды вечером он молился в келье перед иконой Богородицы. Он так глубоко погрузился в молитвенное состояние, что видно было, как от лица его исходит неземное сияние: «Пречистая Матерь Господа нашего Иисуса Христа, заступница и крепкая помощница человеческому роду, буди нам, недостойным, ходатаицей. Буди нам упование и заступление. Защити нас от врагов видимых и невидимых...»

«Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее».

В. Ключевский «Значение преподобного Сергея для русского народа и государства»

«Сергий — благоуханнейшее дитя Севера. Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святого. Сергей глубочайше русский, глубочайше православный. В нем есть смолистость севера России, чистый, крепкий и здоровый ее тип».

Б. Зайцев «Преподобный Сергей Радонежский».

*Явление Богородицы Сергию Радонежскому
Икона середины XVII века*

Окончив молитву, Сергей присел отдохнуть. Уже и вся фигура его излучала свет. Вдруг он встал и сказал своему ученику Михею:

— Не спи, ободрись! Сейчас будет чудо. Раздался голос:

— Пречистая грядет!

Сергий вышел в сени. Все вокруг было пронизано благодатными лучами. Перед ним предстала Богородица с апостолами Петром и Иоанном. Сергей пал ниц, ослепленный божественным сиянием. Богородица прикоснулась к нему и сказала, что его молитвы услышаны, и отныне она всегда будет заступницей Троицкой обители.

Испытывая неизъяснимый трепет, Сергей поднялся. В сенях никого не было. Только ученик его лежал, точно мертвый. Наконец и он очнулся, вымолвил:

— Отче, скажи, что это было? Дух мой едва не вышел из тела.

— погоди немного, — ответил Сергей, — я и сам не могу прийти в себя от чудесного видения.

Так они стояли, потрясенные случившимся, и молчали.

Сергий попросил Михея сходить за Исааком и Симоном и рассказал им о видении. Все вместе они помолились Богородице. А Сергей в эту ночь так и не уснул...

Ему исполнилось уже семьдесят восемь лет, когда он почувствовал, что силы покидают его. За шесть месяцев до кончины он призвал своих учеников, дал им последние наставления, представил нового игумена Никона, который, хоть и молод был годами, но умудрен в делах духовных. Преподобный Сергей благословил братию и погрузился в молчание. Его земной путь завершался. В сентябре 1392 года Сергей Радонежский, причастившись Святых Таин, отошел ко Господу. Он завещал похоронить себя на монастырском кладбище

как простого инокa. Но по просьбе братии митрополит Киприан разрешил похоронить преподобного в церкви.

В темные времена, когда Русь, страдая под ярмом ордынских ханов, не видела просвета, пребывала в рабстве и унижении, Сергей осветил путь людям своей истинной верой. Ныне Троице-Сергиева лавра — один из самых известных монастырей. Здесь более шестисот лет звучат молитвы. Сюда идут и идут люди. Со своими печальми, страданиями, радостями. В надежде на помощь великого молитвенника земли Русской — Сергия Радонежского.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Точная дата рождения Варфоломея (в иночестве Сергия) неизвестна. Предположительно он родился **3 мая 1314 года** в имении отца боярина Кирилла недалеко от Ростова Великого.

Около **1325—1327 годов** произошла встреча Варфоломея со старцем, который предсказал ему будущее.

В **1337 году** родители Варфоломея Кирилл и Мария скончались. Похоронены в монастыре Покрова Святой Богородицы в Хотькове.

В **1340 году** Варфоломей ушел вместе с братом Стефаном в пустынное место, на гору Маковец (Маковицу).

Там было положено начало строительству будущей Троице-Сергиевой лавры.

В **1380 году** Сергий Радонежский благословил московского князя Дмитрия на битву с Мамаем. Предсказал победу русскому войску.

26 сентября 1392 года игумен Сергий закончил свой земной путь.

Первое описание жизни Сергия Радонежского — «Житие» — было составлено в **1418 году** известным древнерусским летописцем Епифанием Премудрым — учеником преподобного Сергия.

Н. Пучков. Троице-Сергиева лавра

Алта́рь (лат. «высокий жертвенник») — у древних народов первоначально представлял собой место для жертвоприношения. В православной церкви — восточная возвышенная часть храма, в которой находится престол.

Евха́ристия (греч. «благодарение») — одно из главных таинств церкви. Пресуществление, или преложение, хлеба и вина в истинные Божественные Тело и Кровь Христовы, называемые также *Святые Дары*, и последующее причащение ими верующих. Таинство совершается во время *литургии*.

Епитими́я (греч. «наказание») — более строгое исполнение дел благочестия (поклоны, длительная молитва и др.), налагаемое священником на исповедавшегося, имеющее целью не столько наказание, сколько исцеление его душевных недугов и скорбей.

Игу́мен (греч. «предводительствующий») — сан монашествующего священства. Присваивается священнику монастыря, настоятелю храма.

Инок (от слова «иной», то есть отличный от мира) — то же, что монах.

Литурги́я (греч. «общее дело», «общее служение»). Церковная служба, центром которой является таинство Евхаристии.

Митрополи́т — священнослужитель высшей, третьей, степени священства. Епископ, архиепископ, возглавляющий митрополию (главный город области).

Моле́бен — благодарственное или просительное богослужение (моление), совершаемое в храме или вне его по частным или общественным нуждам верующих, например: «О путешествующих», «На начало всякого дела», а также о поминовении усопших и др.

По́стриг монашеский — обряд посвящения в монашество, при котором постригаемый дает Богу обет отказа от мирского образа жизни, обеты иноческого подвига и послушания (игумену и братии монастыря). При пострижении в Великую схиму постригаемому дается новое имя, он облачается в схимническую одежду. В монастыре постриг совершает только настоятель (игумен).

Преподо́бный — святой, достигший христианского совершенства в подвиге монашества.

Престо́л — самое священное место в храме. Четырехугольный стол, утвержденный посередине алтаря, особым чином освященный. На нем совершается таинство Евхаристии.

Просфо́ра — (греч. «приношение»). Небольшой круглый хлебец с оттиснутым сверху изображением креста, употребляемый в таинстве Евхаристии.

Псалти́рь (Псалтырь) — одна из богослужебных книг Библии, содержит 150 псалмов (от греч. — «песни»), большая часть из которых написана царем Давидом, жившем в X веке до Рождества Христова.

Пу́стынь — место уединения и сосредоточенных молитв. Сейчас так называются некоторые монастыри, возникшие в безлюдном месте.

Святые Дары́ — хлеб (частицы просфоры) и вино после пресуществления их в таинстве Евхаристии. Вкушение, или принятие, верующими Святых Даров составляет таинство Причащения.

Священное Писа́ние — церковное наименование Библии.

Схи́ма — в православной церкви высшая ступень монашества, соединенная со строгими обетами самоотвержения. Посвященные в схиму выполняют более суровые монашеские правила (усиленный пост, бдение, отказ от внешних занятий, усердная молитва). Схимой также называют монашеское облачение (куколь — от лат. «капюшон») черного цвета с острым верхом, надеваемое на голову и покрывающее грудь, спину и плечи монаха.

Таи́нства — священные действия, посредством которых человек приобщается к благодати Божией (крещение, миропомазание, покаяние, причащение, брак, священство, елеосвящение). Таинства отличаются от церковных обрядов (освящение воды, погребение умерших) божественным происхождением, так как некоторые из них были установлены Иисусом Христом при Его земной жизни.

Часосло́в — богослужебная книга, содержащая текст церковных служб — часов.

Чи́н (греч. «порядок») — устав, последование какой-либо службы или священнодействия.

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение из Орды	3
«В начале было Слово»	6
«Да будет воля Твоя...»	8
Дорога на Радонеж	11
Праведные труды на Маковице	16
Отшельник	19
Игумен Сергей	24
Уход из обители	28
Чудесное «пробуждение»	33
Благословение Сергия Радонежского	35
Духовное притяжение	42
Основные события жизни Сергия Радонежского	46
Словарь	47

Людмила Владимировна Китаева

Сергий Радонежский

Для среднего школьного возраста

Художник Андрей Леонидович Мазин

Сергий Радонежский — один из самых почитаемых русских святых, основатель Троице-Сергиевого монастыря, строитель русской духовной культуры. Явился идейным вдохновителем Куликовской битвы. Своей беспримерной скромностью и даром чудотворения снискал любовь и современников, и потомков.

Генеральный директор К. Чеченёв
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Ответственный редактор С. Карпачёва
Редактор О. Скрипалёва
Корректор О. Ситникова
Подготовка иллюстраций: С. Завражина
Цветокоррекция Ю. Чепелева
Сканирование: В. Тулин
Компьютерная верстка: Р. Триндицкая

ISBN 978-5-7793-1269-1
Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 г.

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 916-55-95, 780-39-11, 780-39-12,
688-75-36, (812) 766-33-93

Факс: (495) 916-55-95, (812) 766-58-06
Сайт издательства: www.belygorod.ru
E-mail: belygorod@mail.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращаться по адресам:
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 916-55-95

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Дата подписания в печать 15.03.2007
Гарнитура SchoolBook, печать офсет,
формат 84 x 108, 1/16
Тираж 5000 экз.
Заказ № 0704910.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

линейской стол-
2015 года) каждая команда прове-
няли решение, что в предстоящ
чемпионате арбитры должны еще
строже судить соперников
16 лучших команд (по восемь из
сорта «Бол-
-дет по 60 ир.
сезон будет про-

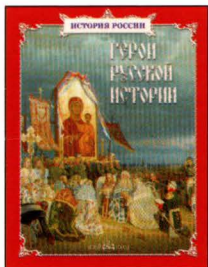

Серия «История России» — единственная в своем роде серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем весь уникальный мир русской истории. Серия выпускается с 1998 года и насчитывает уже более 100 книг.

Интересный текст и хорошее иллюстрирование сделали ее очень популярной.

Тираж серии в 2005 году достиг 1 500 000 экземпляров! Книги серии разбиты по темам. И каждый может собрать свою подсерию. Вышли тематические сборники:

«Герои русской истории», «Русские победы». Готовятся к выпуску: «Древняя Русь», «История русских городов», «Цари и императоры» и другие.

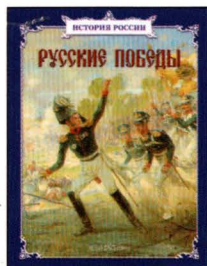

Герои русской истории

- Александр Невский
- А.С. Пушкин
- Век переворотов и фаворитов
- Великие князья
- Великие полотна
- Герои русской истории
- Ломоносов
- Минин и Пожарский
- Предсказатели и пророки
- Российская наука
- Русские женщины
- Русские живописцы
- Русские колумбы
- Русские композиторы
- Русские писатели
- Русские полководцы
- Русские святые
- Самозванцы
- Суворов
- Цари и императоры

Православная культура

- Легенды русских монастырей
- Московские святыни
- Русская православная культура
- Русские святыне
- Святыни России
- Серафим Саровский

Русские победы

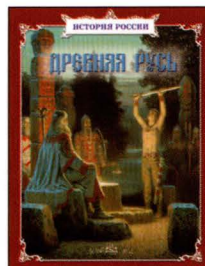
- XX век
- Балканская война
- Война 1812 года
- Война народная
- Георгиевские кавалеры
- Гражданская война
- Крымская война
- Куликовская битва
- Ордена и награды
- Российский флот
- Русские победы
- Русский военный костюм
- Русский рукопашный бой
- Русско-турецкие войны
- Северная война

Записки путешественника

- Антарктида
- Волга. *От Валдая до Каспия*
- Города России
- Золотое кольцо
- Крым. *Жемчужина Черного моря*
- Природа России
- Русская Америка
- Северная столица
- Урал. *Кладовая земли*

Москвоведение

- История Москвы
- Московские святыни
- Московские тайны

Древняя Русь

- Боги древних славян
- Борис и Глеб
- Великие князья
- Вещий Олег
- Владимир Мономах
- Древняя Русь
- Князь-чародей. *Всеслав Полоцкий*
- Крещение Руси
- Легенды Древней Руси
- Литература Древней Руси
- Русская письменность
- Русь и Орда
- Святослав
- Славянская мифология
- Юрий Долгорукий
- Ярослав Мудрый

История России в летописях, сказаниях и былинах

- А.К. Толстой. Баллады
- Герои русских былин
- Добрыня Никитич
- и Алеша Попович
- Илья Муромец
- Садко
- «Слово о полку Игореве»
- Солдатские сказки

ISBN 978-5-7793-1269-1

9 785779 312691

Цари и императоры

- Александр I
- Благословенный
- Александр II
- Освободитель
- Александр III Миротворец
- Государь всея Руси Иван III
- Екатерина Великая
- Золотой век Московской Руси. *Царь Алексей Михайлович Тишайший*
- Иван Грозный
- Императрица Елизавета — дочь Петра Великого
- Начало династии Романовых. *Царь Михаил Федорович*
- Николай I
- Николай II
- Павел I
- Петр I
- Цари и императоры

Русский быт

- Деревянное зодчество Руси
- Дуэли
- Клады и сокровища
- Народные промыслы
- Народный календарь
- Праздники на Руси
- Русская деревня
- Русская усадьба
- Русский костюм
- Русский язык. *Страницы истории*

Готовятся к выпуску:

- Герои 1812 года
- Карелия. *Край тысячи озер*
- Московский Кремль
- Народная медицина
- Русская игрушка
- Русские героические сказки
- Славянские сказания

Решившись на подвиг монашества, Варфоломей и Стефан с молитвой вышли навстречу ему

Внезапный удар засадного полка решил исход Куликовской битвы. Русское воинство стяжало историческую победу

Воскресив ребенка, преподобный Сергий запретил его отцу говорить о сотворенном чуде

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Сергий благословил князя Дмитрия на ратный подвиг, прозревая победу над ордынским ханом

Одним из чудес было снисхождение огня в чашу, из которой причащался великий молитвенник

БЕЛЫЙ

ГОРОД